

Ты думал о том, как сильно я волновался вчера вечером?

Бянь Нань поднял голову: — Если бы ты не смог меня найти... ты бы правда волновался?

Цзян Цзинчэнь слегка покрутил его мочку уха, словно наказывая, и надавил чуть сильнее прежнего.

Бянь Нань внезапно выпрямился: — Тогда тебе больше нельзя меня прогонять!

— И ты больше не должен меня извращать, — сказал Цзян Цзинчэнь. — Я никогда этого не имел в виду.

Бянь Нань заговорил сквозь слёзы: — Ты связал меня и смотрел таким страшным взглядом, ты хоть знаешь, как сильно я испугался, чуть не умер от страха!

Тогда в отеле он сорвался из-за пары фраз и обошлся с Бянь Нанем грубовато, о чём сам Цзян Цзинчэнь впоследствии сильно пожалел.

Помолчав, он коснулся его затылка и сказал: — Больше такого не повторится.

Бянь Нань шмыгнул носом и уставился на него с горделивым и чуречки свирепым видом: — Сегодняшнее я тебе прощаю, но в следующий раз такого не будет!

И ещё поклянись, поклянись, что никогда от меня не откажешься!

Цзян Цзинчэнь покладисто поднял руку: — Клянусь, я никогда от тебя не откажусь.

Собеседник, похоже, остался недоволен, поднялся с пола и побежал к ящику за бумагой и ручкой.

Наклонившись, он писал и бормотал себе под нос: Цзян — Цзин — чэнь — даёт — здесь — клятву — и — ни — за — что — не — откажется — от — Бянь — Наня.

Закончив, он внимательно всё перепроверил, только после этого успокоился, достал штемпельную подушечку и, ухватив мужчину за руку, заставил его поставить подпись и отпечаток пальца.

Цзян Цзинчэнь невольно усмехнулся: — Обязательно так усложнять?

— Мало того что отпечаток пальца поставлю, я ещё и в рамку его вставлю и повешу на стену в твоём кабинете, — прищурившись, Бянь Нань придвинулся ближе. — Чтобы ты видел это

каждый день и помнил каждую минуту.

Цзян Цзинчэнь прикоснулся большим пальцем к чернилам и нажал на бумагу, оставив чёткий отпечаток.

— Мужские обещания никогда нельзя назвать надежными. — Бянь Нань бережно спрятал документ, а в его взгляде читалась почти упрямая торжественность.

Внезапно он тихо произмолвил: — Но дядя — не кто-то посторонний, я верю, что то, что ты мне пообещал, ты обязательно выполнишь.

— Если однажды ты нарушишь своё обещание, то я...

Звук оборвался на полуслове, а пылинки в воздухе словно застыли.

Цзян Цзинчэнь замер на мгновение, а затем бросил на него пыливый взгляд: — Почему замолчал?

— Что будет, если я нарушу обещание?

Бянь Нань мохнул ресницами и прямо посмотрел в глаза сидевшему напротив мужчине.

Словно назло, но очень твёрдым голосом он произнёс: — Тогда я накажу себя за твою ошибку. Сделаю так, чтобы ты всю жизнь сожалел и мучился чувством вины.

Но я никогда-преникогда тебя не прощу.

Возвращение в школу наступило в мгновение ока.

Цзян Юань собрал к возвращению целых несколько чемоданов всякой всячины и, желая уговорить дядю ещё раз угостить его итальянской жареной курицей, заранее написал Цзян Цзинчэню, чтобы узнать, свободен ли тот.

Цзян Цзинчэнь перевёл ему в личных сообщениях тысячу юаней и вдобавок распорядился, чтобы в назначенный день за ним заехал водитель.

Академия искусств, где учился Цзян Юань, находилась совсем рядом с университетом Бянь Наня. Подумав, что раз дядя не показывается, значит, он по горло занят работой, племянник специально поинтересовался у Бянь Наня: — Много ли у тебя вещей к началу семестра? Если много, я попрошу водителя заехать за тобой по пути!

Когда Бянь Нань увидел это сообщение, он уже стоял у входа в общежитие. Цзян Цзинчэнь привёз его на Бентли, а поскольку в свободные от пар дни парень обычно сидел дома, ему вполне хватало одного маленького двадцатидюймового чемоданчика.

Цзян Юань пришёл поделиться с ним жареной курицей и, подойдя к общежитию, как раз застал дядю у багажника: тот забирал вещи Бянь Наня, аккуратно поправлял на нём кепку и давал последние наставления на ухо.

Постояв рядом и понаблюдав за ними с полминуты, он почувствовал, что жареная курица в его руках вмиг потеряла всякий вкус.

Бянь Нань ранее пообещал составить Цзян Юаню компанию и пойти вместе с ним выбирать художественные принадлежности к началу занятий.

Доев свою курицу, он вот так запросто, среди бела дня, уволок Бянь Наня прямо из-под носа Цзян Цзинчэня.

Перед выходом Цзян Юань клялся и божился, что купит лишь самое необходимое, но стоило им только зайти на улицу Илин, как от обилия красок на витринах магазинов у него тут же закружилась голова.

Бянь Нань достал телефон и увидел, что Цзян Цзинчэнь снова скинул ему в личку двадцать тысяч юаней, из-за чего он остановился как вкопанный: — Дядя? (Стикер с вопрошающим котом.gif)

Цзян Цзинчэнь: Разве тебе не нужно ничего покупать?

Бянь Нань: У меня ещё полно на балансе, мне не нужны твои деньги...

Цзян Цзинчэнь: Какая разница? Моё — значит твоё.

Бянь Нань стоял посреди улицы и глупо улыбался в экран.

Цзян Юань, недовольный тем, что тот отвлекается, повернулся и бросил взгляд: — ...Погодите-ка, вы же расстались едва ли с десятков минут назад? Почему вы снова переписываетесь!

Вглядевшись в экран, он тут же вытаращил глаза: — Он перевёл тебе двадцать тысячч?!

Я же говорил, что он подсуживает!

— Не только это, — улыбнувшись, Бянь Нань намеренно придвинулся ближе и дразнящим

шепотком добавил: — Главная кредитная карта Цзян Цзинчэня тоже у меня.

— И чему тут радоваться, — пробормотал Цзян Юань. — Разве карточки мужчин не хранятся у их жён... Вот когда он женится и у нас появится тетушка, он наверняка потребует карту обратно.

Западный выход с улицы Илин упирался в рынок антиквариата и старьевщины.

Сделав полный круг, Цзян Юань возвращался триумфатором, обвешанный пакетами и свертками, тогда как Бянь Нань не купил абсолютно ничего.

Недавние слова Цзян Юаня о том, что Цзян Цзинчэнь заберёт карту, стоит ему жениться, подпортили Бянь Наню настроение, хотя виду он не подавал.

Цзян Юань предложил не возвращаться в университетскую столовую, а поужинать где-нибудь в городе, но Бянь Нань покачал головой и ответил, что немного устал.

На улице открылась новая лавка древностей, и, проходя мимо, Бянь Нань присмотрел браслет из агарового дерева.

Его цвет напоминал густую тушь — неброский, но с врождённым благородным лоском; на запястье Цзян Цзинчэня он, по какой-то причине, смотрелся бы невероятно гармонично.

Бянь Нань ничего не смыслил в подобных вещах, однако слышал, что цена на качественный браслет из агарового дерева ничем не ограничена, и за них запросто просят сотни тысяч.

Заметив, что они студенты, услужливый хозяин лавки лично поспешил к ним с презентацией.

Он принялся расписывать товар самыми невероятными красками: мол, материал добыт из вековых запасов старой древесины, а поскольку у него сегодня ещё не было ни одной продажи, он готов пойти на уступки в цене, если они действительно намерены купить вещь.

Хозяин запросил девятьсот юаней, но по привычке торговаться Бянь Нань прикинул, не согласится ли тот отдать за восемьсот пятьдесят.

Потягивая чай с молоком, Цзян Юань заметил: — А почему на этих бусинах трещины? Просить за них девятьсот — это же чистой воды грабёж!

Лавочник: — И сколько, по-вашему, будет справедливо?

— Сорок! Берём по этой цене, либо мы уходим.

— По рукам!

Бянь Нань: ???

Остолбенел Бянь Нань достал телефон и отсканировал QR-код, но когда браслет оказался у него в руках, на душе скребли кошки.

Пусть сорок юаней — деньги небольшие, но само название цены за браслет из агарового дерева выдавало подделку, не говоря уже о том, чтобы дарить подобное Цзян Цзинчэню.

Цзян Юань брякнул это просто так, от нечего делать, и до сих пор не мог прийти в себя от собственного выдающегося таланта торговца.

— Вещь за девятьсот юаней я выбил для тебя за сорок! Бянь Нань, ну скажи, хорош ли я?!

— Ой!

Не успел он договорить, как из переулка выскочил какой-то прохожий и с размаху врезался прямо в них.

Краски и холсты Цзян Юаня разлетелись по земле, а от резкого рывка браслет в руке Бянь Наня с сухим стуком упал на мостовую.

— Вы вообще смотрите куда идёте?

Собеседник решил переложить вину с больной головы на здоровую: он заявил, что они разбили его чернильный камень, ухватился за Цзян Юаня и потребовал компенсацию.

Цзян Юань не хотел ввязываться в ссору: подумав, что четыреста юаней не такие уж большие деньги, а спокойствие дороже, он решил просто заплатить.

Но Бянь Нань терпеть подобное не собирался.

Его жизненный опыт сильно отличался от цзян-юаневого: до тринадцати лет наглядевшись на людскую злобу в детском доме, он прекрасно усвоил истину — проявишь слабость, и тебя тут же сожрут.

Опасаясь, что Цзян Юань решит откупиться, незнакомец попытался схватить его за одежду. Бянь Нань перехватил чужое предплечье — правая рука музыканта обладала безупречной силой контроля — и хладнокровно оттолкнул нападавшего в сторону.

Затем он бросил на того ровный взгляд и спокойно произнёс: — Давайте вызовем полицию, посмотрим записи с камер и выясним, кто в кого врезался.

Буяна в итоге увели охранники, а зеваки выдали его с потрохами: оказалось, это был обычный мошенник, который постоянно промышлял вымогательством в этом районе.

Цзян Юань подобрал с земли художественные принадлежности, отряхнул пыль и сунул злосчастный браслет обратно в руку Бянь Нань.

— Что делать, если он испачкался? Эту штуку вообще можно мыть водой? — задрал голову, поинтересовался Цзян Юань.

Да какая разница, подумал Бянь Нань.

Это всё равно подделка за несколько десятков юаней: испачкалась — и ладно, вернется в общежитие, да и выбросит в первый попавшийся мусорный бак.

Когда он окончит учебу и начнет зарабатывать сам, он купит Цзян Цзинчэню самый дорогой и качественный браслет из агарового дерева.

Ему плевать на остальных, но самый особенный человек в его жизни заслуживает только лучшего из всего, что есть на этом свете.

-

Завтра утром в институте должна была пройти церемония открытия учебного года, так что после целого дня прогулки Бянь Нань и Цзян Юань закономерно решили переночевать в общежитии.

Они жили в двухместной комнате. Второй сосед по комнате отличался застенчивым нравом: они не слишком много разговаривали друг с другом, но иногда вместе ходили на пары.

Стоило в комнате погасить свет, как Бянь Нань начал ворочаться на кровати. Сосед поспешно убавил яркость экрана телефона до минимума: — Прости, я тут в телефон смотрю... я тебе мешаю?

— Нет, всё в порядке, — Бянь Нань закинул руку на лоб.

Хотя он уже смертельно хотел спать, стоило ему закрыть глаза, как в глубине сознания словно начинали копошиться тысячи муравьёв.

Мысли уносились далеко назад, вызывая в памяти ворох воспоминаний, учащённое сердцебиение и лёгкую тошноту.

Подобное состояние возникало не впервые: первые тревожные звоночки появились ещё в старшей школе, после того как Цзян Цзинчэнь больше не захотел делить с ним одну постель.

В периоды наибольшего учебного стресса, когда каждый день начинался со стопок тестов до потолка, Бянь Нань из-за бессонницы стал самым отчаянным учеником в классе, который корпел над заданиями до потери пульса.

За три месяца до вступительных экзаменов в университете прошла торжественная столдневная клятва, и директор произнёс пламенную речь со сцены.

Среди выстроившихся рядами учеников Бянь Нань внезапно, без всяких предупреждений, рухнул на землю, заставив толпу вокруг расступиться с испуганными криками.

Получивший экстренное известие Цзян Цзинчэнь стремглав примчался в школьный медпункт. Он смотрел на лежащего без единого признака жизни человека с закрытыми глазами, пока врач равнодушно заявлял, что парень просто уснул.

Родителям не о чем беспокоиться, старшеклассникам свойственно недосыпать.

Завернув его в плевровое пальто, Цзян Цзинчэнь отнёс его в машину и вернулся в Наньвань. Проспав в спальне почти двадцать часов кряду, Бянь Нань наконец пришёл в себя.

<http://bllate.org/book/25639/3058554>